

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» (ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ И ПРАВА

**Особенности мировоззрения и поведения самураев средневековой
Японии в «Повести о доме Тайра»
(возможности использования материалов темы в школьном
преподавании истории)**

Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.01. Педагогическое образование
Направленность программы бакалавриата «История»
Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:

85 % авторского текста
Работа рекомендована к защите
рекомендована / не рекомендована

«03» 09 2025 г.

И.о. зав. кафедрой истории и права
Н.В. Коршунова Коршунова Н.В.

Выполнила:

Студент группы ЗФ-524-105-5-1,
Котов Сергей Андреевич

Научный руководитель:

к.и.н., доцент,
Горшков Сергей Маркович

Челябинск
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Эпоха Хэйан в истории Японии.....	8
1.1. Общая характеристика	8
1.2. Идейные течения эпохи Хэйан	10
1.3. Становление самурайства в эпоху Хэйан.....	14
Глава 2. Социальные отношения в «Повести о доме Тайра»	21
2.1. Отношение к императору.....	21
2.2. Отношение к господину	26
Глава 3. Духовная жизнь самураев в «Повести о доме Тайра».....	33
3.1. Влияние религии на поведение самураев.....	33
3.2. Эстетическая составляющая образа жизни самураев	36
Глава 4. История самураев средневековой Японии в школьном обучении....	41
4.1. Нормативно-правовой и теоретический аспекты изучения истории самураев средневековой Японии в рамках преподавания в школе	41
4.2. Методические приемы и средства обучения при изучении истории самураев средневековой Японии.....	43
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	49
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	51
ПРИЛОЖЕНИЕ	56

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Научная актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа истоков самурайского мировоззрения в переходную эпоху XII–XIII вв., нашедшей отражение в крупнейшем самурайском эпосе - «Повести о доме Тайра». Изучение поведенческих моделей героев эпоса позволяет восполнить пробелы в понимании эволюции японской воинской этики и раскрыть ее влияние на дальнейшие социокультурные процессы в Японии.

В школьном образовании история средневековой Японии изучается в 6 классе, вместе с изучением истории других стран азиатского региона, таких как Китай и Индия. Учебная актуальность нашего исследования состоит в компенсации ограничений, связанных с малым количеством часов, выделенных на изучение этой темы в школьном курсе.

Источниковая база работы. Изучение мировоззрения и поведения самураев средневековой Японии оказывается возможным благодаря наличию ряда литературных произведений – самурайских эпосов (гунки), посвящённых нескольким событиям, относящимся преимущественно к периоду складывания самураев как военного сословия в X–XII вв., вступлению их в борьбу за власть в стране, в том числе и соперничеству в этой борьбе разных самурайских кланов. Эпосы складывались устно, из преданий, сохранившихся в коллективной памяти нации, передавались через устных рассказчиков, а затем записывались. Крупнейшим и наиболее информативным памятником этого жанра является «Повесть о доме Тайра», описывающая борьбу кланов Тайра и Минамото в конце XII века¹. Первые варианты «Повести» были созданы в XIII в., в нынешнем виде это произведение известно с начала XIV в. Это сложный текст, который сочетает в себе художественный стиль с повествованием об исторических событиях. Сюжет «Повести» охватывает события, начиная с возвышения Тайра-но

¹ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — 688 с.

Тадамори в 1131 году и заканчивая казнью последнего наследника рода Тайра в 1199 году. «Повесть о доме Тайра» имела широкую известность в средневековой Японии, так как распространялась бродячими сказителями бива-хоси².

Степень изученности темы. Тема исследования, связанная с влиянием религии, культуры и философии на формирование мировоззрения самураев, нашла отражение в трудах отечественных и зарубежных авторов, охватывающих различные аспекты истории, религии и эстетики Японии. Мы условно разделили их на группы по тематическому признаку.

Труды общего характера по истории Японии. Работы А.Е. Жукова и С.С. Паскова формируют фундаментальную базу для изучения истории Японии, включая периоды становления самурайского сословия³. А. Е. Жуков акцентирует внимание на социально-политических процессах, а С. С. Пасков анализирует трансформацию военной элиты в контексте взаимодействия с буддизмом. Следует отметить, что работа С. С. Паскова написана в духе формационного подхода, подразумевающего развитие общества через столкновение и борьбу классов.

Религиозно-философские исследования. Дж.М. Китагава рассматривает религиозный синкретизм, подчеркивая роль буддизма в формировании японской идентичности⁴. Исследования Генриха Дюмулена раскрывают доктринальные основы буддизма, повлиявшие на самурайскую этику⁵. Д.Т. Судзуки и А.М. Кабанова фокусируются на дзэн-буддизме, демонстрируя его роль в эстетике и психологии воина⁶. К. Нукария и С. Тёрнбулл напрямую

² Онищенко В. Японские военные повести и их композиция: взгляд историка // Повесть о смуте годов Хэйдзи. СПб., 2011. С. 245-249.

³ Жуков А. Е. История Японии. – М., 1999. – 703 с.; Пасков С. С. Япония в раннее Средневековье. VII-XII века: исторические очерки. – М., 2011. – 194 с.

⁴ Китагава Дж. М. Религия в истории Японии.— СПб., 2005. — 588 с.

⁵ Дюмулен Генрих. История дзэн-буддизма. — М., 2003. — 317 с.

⁶ Судзуки Д. Т. Дзэн-буддизм в японской культуре. – СПб., 2004. — 272 с.; Кабанова А. М. История дзэн в Китае и Японии // Годзан бунгаку. Поэзия дзэнских монастырей. СПб., 1999. – С. 8-33.

связывают религиозные практики с воинской дисциплиной⁷. О связи дзэн-буддизма с культурой самураев также говорит Уинстон Л. Кинг⁸. С.А. Арутюнов и А.Н. Мещеряков анализируют синтез буддизма и синтоизма, что важно для понимания духовных основ образа жизни самураев⁹.

Исследования по культуре и эстетике Японии. В классической работе Рут Бенедикт «Хризантема и меч» представлены важные выводы об иерархичной природе японского общества и отличии японской культуры стыда от западноевропейской культуры вины¹⁰. Работы известного японоведа В.Н. Горегляда рассматривают японскую культуру во всем ее многообразии, в том числе эволюцию японской литературы, и, в частности, наш основной источник – «Повесть о доме Тайра»¹¹.

Специальные исследования, посвященные самураям. Инадзо Нитобэ в эссе «Бусидо» систематизирует этические и эстетические идеалы самураев, ставшие классикой в изучении темы¹². В работах американского исследователя С. Тернбулла мы встречаем яркое описание становления самурайства и его развития на протяжении разных эпох¹³. Вопросы самурайского этикета в своих работах поднимает Р. М. Зиганьшин, связывая его с современными японскими боевыми искусствами¹⁴. Образу идеального

⁷ Нукария Кайтэн. Религия самураев: исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии. – СПб., 2003. – 244 с.; Тернбулл С. Путь самурая: война и религия. – М., 2010. – 216 с.

⁸ Кинг Уинстон Л. Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая. – СПб., 1999. – 319 с.

⁹ Арутюнов С.А. Старые и новые боги Японии. – М., 2014. – 269 с.; Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм (проблема синкретизма). – М., 1987. – 189 с.

¹⁰ Бенедикт Рут. Хризантема и меч. Модели японской культуры. – СПб., 2004. – 357 с.

¹¹ Горегляд В.Н. Классическая культура Японии. Очерки духовной жизни. – СПб., 2006. – 351 с.; Горегляд В.Н. Японская литература VIII-XVI вв. Начало и развитие традиций. – СПб., 2001. – 395 с.

¹² Нитобэ Инадзо. Бусидо : Душа Японии : Клас. эссе о самур. этике. – М., 2004. – 207 с.

¹³ Тернбулл С. Самурай. Военная история. – СПб., 1999. – 693 с.; Тернбулл С. Путь самурая: война и религия. – М., 2010. – 216 с.

¹⁴ Зиганьшин Р.М. Военный этикет самураев / Р. М. Зиганьшин // Историческая психология и социология истории. – 2010. – Т. 3. – № 2. – С. 125-151.

самурая посвящены работы В. В. Смирнова¹⁵. М. С. Коляда рассматривает нравы самураев и их отражение в «Собрании стародавних повестей»¹⁶.

При этом, в науке еще не предпринят комплексный анализ того, как поведение и образ жизни самураев отражается в «Повести о доме Тайра».

Объект исследования: история сословия самураев в средневековой Японии.

Предмет исследования: отражение поведения и мировоззрения самураев средневековой Японии в «Повести о доме Тайра».

Цель исследования: охарактеризовать особенности поведения и мировоззрения самураев средневековой Японии в «Повести о доме Тайра» и возможности использования материалов темы в школьном преподавании истории.

Для реализации цели мы ставим следующие **задачи**:

- 1) Дать характеристику эпохи Хэйан – социальному и государственному устройству, идейным течениям и процессу возникновения самурайства;
- 2) Проанализировать социальные отношения в самурайской среде, отражённые в тексте «Повести о доме Тайра» (отношение к императору, господину, родителям);
- 3) Показать духовную жизнь самураев, отражённую в тексте «Повести о доме Тайра» (религия и эстетическое отношение к окружающей действительности);
- 4) Описать методические приемы и средства обучения при изучении материалов темы в школьном курсе истории средних веков.

¹⁵ Смирнов В.В. Образ идеального самурая в литературе самурайского круга XIII-XVI веков // Исторический бюллетень. – 2025. – Т. 8. – № 1. – С. 77-82.

¹⁶ Коляда М.С. Нравы японских воинов в «Собрании стародавних повестей» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 3 (49). – С. 13-30.

Методы исследования. В работе использовались общенаучные методы (анализ, сравнение, синтез), а также историко-генетический метод. Теоретической основой является принцип историзма.

Хронологические рамки исследования обосновываются хронологией событий, описанных в основном источнике работы – «Повести о доме Тайра», а именно, концом XII в.

Географические рамки исследования. Япония в границах конца XII века, включавших три наиболее крупных японских острова – Хонсю, Кюсю и Сикоку.

Практическая значимость работы связана с применением ее результатов в образовательных программах.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Глава 1. Эпоха Хэйан в истории Японии

1.1. Общая характеристика

Историки-японисты традиционно относят начало периода Хэйан к 794 г., когда императорская резиденция была перенесена на новое место¹⁷. В науке период Хэйан традиционно рассматривается как ключевой этап формирования уникальной японской культурной идентичности, когда произошло органичное соединение конфуцианского образования с исконными японскими обычаями и традициями. Это время ознаменовалось появлением термина «кокуфу бунка» (национальная культура), который точно отражает суть происходивших культурных преобразований. Согласно современной научной точке зрения, центральным элементом концепции «кокуфу бунка» выступала культура императорского двора, где главным оплотом культурных традиций выступала столичная знать. Эти высокообразованные представители высшего общества позиционировали себя как прямых последователей древнекитайской традиции «благородных мужей» (цзюнь цзы) со всеми присущими им жизненными принципами, при этом сохраняя глубокое уважение к традиционным японским обычаям и ритуалам.

Эпоха Хэйан считается временем оформления социальной структуры Японии¹⁸. Была систематизирована иерархия аристократических родов. Эта иерархия отражала структуру мифологического пантеона, где верховное положение занимала богиня Аматэрасу, считавшаяся прародительницей императорской династии. Таким образом, формировалась государственная идеология, основанная на «императорском мифе» с его сакральной родословной.

Эпоха Хэйан также является временем появления первых частных земельных владений в Японии. Ещё в эпоху Нара (VIII век) правительство столкнулось с проблемой нехватки государственных земель и стало

¹⁷ Жуков А.Е. История Японии в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 175.

¹⁸ Жуков А.Е. История Японии в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 177.

поощрять освоение новых участков частными лицами. Согласно закону, те, кто распахивал целину, получали её в наследственное владение. Это привело к концентрации крупных земельных владений (сёэн) в руках аристократии, монастырей и храмов. В результате ключевой принцип реформ Тайка (VII век) – распределение равных наделов крестьянам во временное пользование – утратил силу.

К IX веку практика перераспределения земель (ранее обязательная каждые шесть лет по кодексам Тайхо и Ёро) практически прекратилась. Это способствовало расширению частного землевладения, часто в ущерб государственным интересам. Центральная власть постепенно теряла контроль над земельным фондом. Первые сёэн (VIII–IX вв.) обычно не обладали налоговыми льготами и отчисляли подати в казну. Государство первоначально поддерживало создание храмовых сёэн, выделяя монастырям земли для их нужд. Частными владениями обзавелись не только знатные семьи, но и императорский дом. Попытки ограничить рост сёэн (например, указами императоров Уда и Дайго в конце IX – начале X века) оказались неэффективными.

В 1069 году были приняты новые законы, предписывавшие ликвидацию сёэн, созданных после 1045 года, а также тех, что не имели надлежащих документов. Однако этот указ фактически узаконил «официально оформленные» сёэн. При императоре Сиракава (XI век) неоднократно проводились масштабные проверки всех частных владений, включая земли рода Фудзивара. Для крестьян жизнь в сёэн была привлекательнее, чем на государственных землях, из-за меньшего налогового бремени. Это вызывало их массовый переход в частные владения. Кроме того, сёэн предоставляли определённую социальную защиту: помощь нуждающимся, приюты для больных и другие формы поддержки, особенно в крупных владениях¹⁹.

¹⁹ Грачёв М. В. Япония в эпоху Хэйан. М., 2009. С. 303-304.

Таким образом, период Хэйан (794–1185 гг.) стал переломным этапом в истории Японии, ознаменовавшим формирование уникальной национальной культуры и социально-политической системы. Перенос столицы в Хэйан-кё (современный Киото) в 794 г. символизировал начало новой эпохи, в ходе которой произошло органичное соединение китайских влияний с исконными японскими традициями. Центром политической и культурной жизни стал императорский двор, где образованная аристократия, позиционировавшая себя как наследников конфуцианского идеала «благородных мужей», одновременно сохраняла глубокую приверженность местным обычаям и ритуалам. Параллельно происходило становление сложной социальной иерархии.

Особенностью политической системы стало усиление дома Фудзивара, при сохранении формального главенства императора. В экономической сфере ключевым процессом стало формирование системы частного землевладения (сёэн), что привело к постепенному упадку наделной системы и ослаблению центральной власти. Несмотря на попытки императоров (указы Уда, Дайго, Сиракавы) ограничить рост сёэн, этот процесс оказался необратимым, а частные владения стали центрами экономической и социальной жизни, предлагая крестьянам более благоприятные условия, чем государственные земли.

Таким образом, период Хэйан заложил основы японского средневековья, создав уникальный синтез культурных традиций, политических институтов и социально-экономических отношений, которые определили дальнейший путь развития страны.

1.2. Идейные течения эпохи Хэйан

Следующей особенностью эпохи Хэйан является увеличение роли буддизма в жизни общества. Расширение влияния буддизма и его стремление охватить все аспекты духовной жизни вступало в определенное

противоречие с устоявшейся культурой. По мнению С. С. Паскова, «буддизм, проникший в Японию в период становления классового общества, а на начальном этапе существования раннефеодального государства распространенный преимущественно среди правящих кругов, не заменил синто и не вытеснил веру в родовых богов, но по мере развития феодальных отношений все шире стал использоваться как средство идеологического контроля над народом»²⁰. Данное противоречие отмечает и А. Е. Жуков, подчеркивая, что в то время как местные религиозные культы имели прочные корни в обществе, буддизм еще не стал частью верований большинства населения²¹. Однако правящие круги видели в буддизме носителя более высокой культуры. Значительная часть аристократии, имевшая материковое происхождение, воспринимала буддизм как неотъемлемую часть своего мировоззрения. Вследствие этого возникла необходимость адаптации буддизма к японским реалиям. Требовалась его трансформация, чтобы он мог ужиться с местными традициями.

Именно поэтому появление в тот период двух выдающихся буддийских проповедников, которые основали школы Тэндай и Сингон, представляется неслучайным. Они сыграли ключевую роль в адаптации буддизма к японским условиям и его интеграции в культурное пространство страны.

Центральным положением учения школы Тэндай было достижение всеобщего спасения, согласно которому природа Будды изначально присуща каждому человеку. Задача каждого состоит в её развитии до уровня, необходимого для полного освобождения от круговорота перерождений. Ключевым текстом, лежащим в основе этого учения, стала «Сутра лотоса благого Закона»²². Это произведение также известно под более кратким названием «Хоккэкё», что в переводе означает «Сутра лотоса». Именно этот

²⁰ Пасков С. С. Япония в раннее Средневековье: VII-XII века. Исторические очерки. М., 2011. С. 109.

²¹ Жуков А.Е. История Японии в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 207.

²² Андросов В. П. «Лотосовая сутра» // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/lotosovaia-sutra-eecd03d/?v=3810327> (дата обращения: 16.06.2025).

священный текст определял основные направления и принципы духовного развития в рамках данной школы.

Основателем школы Сингон был буддийский монах Кукай. Он считается одним из создателей японской письменности. Центральной темой всех трудов Кукая было достижение «состояния Будды» ещё при жизни. В отличие от других учений, которые рассматривали такую возможность лишь теоретически, Кукай предложил конкретные практики и обряды, позволяющие реализовать эту цель в реальности.

Кукай сыграл ключевую роль в объединении буддийских и синтоистских традиций, создав теоретическую основу для их сосуществования. Разработанная им концепция рёбу синто («двойственный путь богов») представляла синтоистских божеств как местные воплощения будд и бодхисаттв, основываясь на принципе «двух учений – явного и тайного», изложенном в его трудах. Этот новаторский подход позволил сохранить исконные японские религиозные представления, интегрировав их с буддийской философией, что создало прочный идеологический фундамент для государственной власти. Благодаря синтетическому учению Кукая традиционный культ синто органично соединился с буддийской традицией, открыв путь для культурного обогащения Японии при сохранении ее религиозной идентичности. По мнению филолога Е. С. Лепеховой, буддийские трактаты были слишком сложны даже для японской аристократии, поэтому «японскому буддизму необходимо было сменить философские приоритеты на религиозно-этические, удовлетворяющие насущные политические и эстетические потребности японского общества»²³.

Следующим направлением философской мысли в Японии стала школа Дзёдо (Чистой Земли), которая в отличие от сложных эзотерических направлений буддизма предлагала упрощённый вариант учения, доступный широким слоям населения. Центральной фигурой этого течения стал Будда

²³ Лепехова Е. С. Отображение и интерпретация буддийских концепций в ранней хэйанской литературе: На примере "Повести о Гэндзи": автореф. дисс. ... М., 2009. С. 10.

Амида, культ которого быстро набирал популярность. Последователи школы утверждали, что для спасения и освобождения от круга перерождений достаточно искренне воззвать: «Наму Амида Буцу!» («Слава Будде Амида!»). Как отмечает Е. А. Гаджиева, эта простая и понятная форма буддийской практики оказалась особенно привлекательной для японской аристократии, что способствовало стремительному распространению учения по всей стране²⁴.

Особенностью данного периода также являлось становление аристократической культуры. Историк А. Н. Мещеряков подчеркивает, что «хэйанские аристократы воспринимали этот мир как полностью познанный, и цвет печали был главным в их палитре»²⁵. Это мировосприятие отличалось от принятого в буддизме. А. Н. Мещеряков представляет это различие в виде дихотомий «просветление и развлечение, конечность священных текстов и необозримость профанных, копирование и сочинение»²⁶. Отмечается, что японская аристократия воспринимала буддизм в рамках китайской образованности, которая утратила для них прежнее значение. Таким образом, в культуре эпохи Хэйан прослеживается стремление к поиску нового и отвержению старого.

Эпоха Хэйан стала периодом глубокой трансформации религиозной жизни Японии, где буддизм, не вытесняя традиционный синтоизм, занял ключевое место в идеологической системе государства. Проникнув в высшие слои общества как элемент континентальной культуры, буддизм потребовал адаптации к японским реалиям, что было мастерски осуществлено основателями школ Тэндай и Сингон – Сайтё и Кукаем. Тэндай с ее акцентом на всеобщее спасение через раскрытие «природы Будды» в каждом человеке и Сингон с ее эзотерическими практиками достижения просветления «в этом

²⁴ Гаджиева Е. А. Страна восходящего солнца : история и культура Японии [Электронный ресурс]. Ростов-на-Дону, 2006. URL: https://historylib.org/historybooks/Ekaterina--Gadzhieva_Strana-Voskhodyashchego-Solntsa--Istoriya-i-kultura-YAponii/19 (дата обращения: 16.06.2025).

²⁵ Мещеряков А. Н. Древняя Япония: культура и текст. М., 1991. С. 145.

²⁶ Мещеряков А. Н. Древняя Япония: культура и текст. М., 1991. С. 153.

теле» предложили философски насыщенные, но практичные пути духовного развития. Особую роль сыграл синтез буддизма и синтоизма в концепции рёбу синто, разработанной Кукаем, которая легитимизировала сосуществование обеих традиций, укрепляя идеологическую основу власти.

Параллельно упрощённые формы буддизма, такие как культ Амиды школы Дзёдо, демократизировали учение, делая его доступным для широких слоев населения. Однако, как отмечают исследователи, даже в этой адаптированной форме буддизм оставался для японцев скорее элементом культурного кода аристократии, чем глубоко усвоенной религией простого народа. Аристократическая культура Хэйан, с её эстетизацией мироощущения и интересом к новым формам духовности, воспринимала буддизм через призму китайской образованности, но постепенно переосмысляла его в соответствии с местными традициями. Таким образом, буддизм в эпоху Хэйан, пройдя сложный путь адаптации, стал неотъемлемой частью японской цивилизации, сохранив при этом динамичное взаимодействие с исконными верованиями и социальными запросами общества.

1.3. Становление самурайства в эпоху Хэйан

В историографии долгое время существовало общепринятое мнение, что в эпоху Хэйан еще не оформилась определенная военная организация. Но современные исследователи придерживаются мнения, что процесс формирования военного сословия начался гораздо раньше. Так, А. Е. Жуков утверждает, что «роды, «специальностью» которых стало военное дело, обозначились довольно рано. В VIII в. потомственными воинами были Ётомо, Саэки, Саканоуэ, а в IX в. – Оно, Ёкура»²⁷.

²⁷ Жуков А.Е. История Японии в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 194.

Сам термин «самурай» в обозначенную эпоху еще не имел того значения, которое он получил в XVII в. С. С. Пасков отмечает, что «в конце VII–VIII в. самурай (сабурай) обозначал личного слугу»²⁸.

Понятие «буси» впервые появляется в «Продолжении анналов Японии», где так называли умелых воинов²⁹. Начиная с X века этот термин стал применяться ко всем воинам, владевшим землёй и имевшим собственных дружинников. Тех же, кто не обладал вассалами и нанимался на службу к феодалам, именовали *цувамоно*. Уже в X в. к ним предъявлялись строгие нормы: требовались храбрость даже против превосходящих сил противника, высокое мастерство в бою и другие качества. К XI веку *цувамоно* мог быть только потомственным воином.

С конца X века среди самурайских родов особенно выделились Тайра и Минамото. В эпоху инсэй отрёкшиеся императоры опирались на хокумэн-но буси – дворцовых стражников, во главе которых стояли торё. Эти предводители выбирались из двух могущественных кланов – Минамото (Гэндзи) или Тайра (Хэйси), обладавших наиболее многочисленными и боеспособными отрядами. Несмотря на то, что торё не занимали формальных военных должностей, они фактически командовали государственной армией, поскольку их дружины в случае необходимости становились её основой.

Кроме того, Тайра и Минамото демонстрировали лояльность влиятельным придворным, таким как Фудзивара-но Митинага, за что получали официальные титулы и должности. Многие члены этих семей назначались наместниками провинций, что укрепляло их финансовое положение и политический вес.

Обеспечение безопасности в провинциях легло на плечи местных аристократов, так как всеобщей воинской повинности в Японии не сложилось. Как отмечает британский историк Стивен Тернбулл, одной из

²⁸ Пасков С. С. Япония в раннее Средневековье: VII–XII века. Исторические очерки. М., 2011. С. 144.

²⁹ Сёку нихонги : Продолжение «Анналов Японии». — М., 2018. С. 242.

предпосылок возникновения вассальных отношений в Японии стала зависимость, сформировавшаяся между землевладельцами, мелкими держателями земель и крестьянами благодаря системе кисин³⁰. Кисин – это дарственная сделка, способ уклонения от уплаты налогов, состоявший в номинальной передаче владений другому землевладельцу с последующим возвращением изначальному владельцу без смены регистрации³¹.

Клан Тайра возник благодаря государственной политике удаления от двора излишней знати. Основателем клана стал Таками, внук императора Камму, основателя Киото (781–806). Осознав, что ему не удастся достичь высокого положения при дворе, молодой человек решил удалиться на восток и поселился на равнине Канто. Его сын впоследствии получил должность наместника провинции, а шесть его внуков также достигли значительных высот в обществе. Под влиянием растущего авторитета и популярности клана Тайра многие стремились породниться с его представителями или заключить с ними союзы-кисин. У клана было множество сторонников, что способствовало его усилению и влиянию в регионе. Именно благодаря удачному стечению обстоятельств и эффективной стратегии укрепления своего положения клан Тайра смог стать одной из влиятельнейших сил в японской истории.

Со временем клан Минамото стал главным конкурентом рода Тайра. Подобно своим соперникам, они вели происхождение от императорской семьи и были вынуждены переселиться на восток из-за того, что многочисленное потомство принцев создавало серьёзную нагрузку на государственный бюджет.

Основателем рода Минамото стал Цунэмото – сын одного из принцев и внук императора Сэйва. Впоследствии от основного рода отделилось несколько ответвлений, среди которых наиболее известными стали ветви Мураками-Гэндзи и Уда-Гэндзи.

³⁰ Тёрнбулл С. Самураи. Военная история. СПб., 1999. С. 28.

³¹ Тёрнбулл С. Самураи. Военная история. СПб., 1999. С. 25.

Оба рода – и Тайра, и Минамото – снискали себе славу благодаря выдающимся военным достижениям, которые они демонстрировали, служа правительству. Их соперничество и военные успехи сыграли значительную роль в истории Японии того периода.

Параллельно с официальными военными формированиями существовали частные военные отряды аристократических домов (сёка-но хэйси), хотя их создание не предусматривалось законодательством. Именно эти отряды отличались наибольшей боеспособностью, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания в аристократических дневниках о столкновениях между ними прямо на улицах столицы. Несмотря на периодические указы императорского двора о запрете частного владения оружием, эти меры оказывались малоэффективными.

В провинциях существовали два типа военных формирований: отряды управителей и отряды местных знатных домов. Отряды управителей состояли из двух частей: непосредственно подчиненных им представителей провинциальной знати (которых уже можно считать вассалами) и «воинов провинции» (куни-но цувамонодомо). Наиболее крупные военные формирования располагались в приграничных провинциях севера (для борьбы с айнами) и юга страны, а также вдоль побережья Внутреннего Японского моря.

В конце 60-х - начале 70-х годов XI века род Тайра достиг пика своего богатства и влияния в японском государстве. Его благосостояние основывалось на двух ключевых источниках: доходах от пожалованных провинций и прибылях от торговли с Китаем.

Экономическое могущество Тайра строилось на системе провинций в кормлении, когда аристократам передавались права на сбор налогов с определенных территорий. К 1170 году род Тайра контролировал уже семь провинций, получив дополнительно четыре. Глава рода, Киёмори, также установил фактический контроль над торговлей с Китаем, разделяя доходы с бывшим императором Госиракава. Торговые караваны из сунского Китая

регулярно прибывали в порт Фукухара, привозя ценные товары, такие как шелк и фарфор. Киёмори уделял особое внимание развитию портовой инфраструктуры во Внутреннем Японском море, особенно в заливе Хаката и на побережье провинций Аки и Бинго.

Род Тайра создал сложную систему взаимоотношений со своими сторонниками. У него было 612 вассалов, разбросанных по 49 из 69 провинций страны, что обеспечивало ему практически полное государственное влияние. Большая часть вассалов располагалась в центральном регионе и области Канто. Система строилась на предоставлении столичной службы, что давало воинам возможность налаживать связи с аристократией через брачные союзы, получать должности при дворе и земли в кормление.

Тайра-но Киёмори достиг высшего положения, став главным министром (дайдзё дайджин). Его сыновья также занимали министерские посты, 16 ближайших родственников получили высшие ранги, 30 стали придворными, многие занимали должности губернаторов или служили в императорской гвардии.

Главной целью Киёмори было сделать свою дочь императрицей и самому занять пост сэссё (регента). Для достижения этой цели Киёмори пришлось пойти на сложный манёвр – заставить Госиракава удочерить свою дочь, чтобы сделать возможным её брак с наследником престола. В 1171 году его дочь стала императрицей, а в 1178 году родила будущего императора Антоку. Таким образом, Киёмори достиг вершины власти, став законным сэссё и самым влиятельным человеком в государстве³². Этим событиям, возвышению и падению дома Тайра, и посвящен исторический источник, на который мы будем опираться в своей работе – «Повесть о доме Тайра».

Таким образом, процесс формирования военного сословия в Японии начался значительно раньше, чем традиционно предполагалось – его истоки прослеживаются уже в VII-VIII вв. с появлением первых профессиональных

³² Жуков А.Е. История Японии в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 201-206.

военных родов. К X-XI вв. этот процесс приобрел системный характер: оформилась военная терминология (эволюционировавшая от обозначения слуг к терминам «буси» и «самурай»), сложились этические нормы воинского сословия, а также сформировались ключевые институты военной организации. Особую роль в этом процессе сыграли могущественные кланы Тайра и Минамото, которые, будучи выходцами из императорской семьи, сумели создать эффективные военно-политические структуры. Их возвышение было обусловлено не только военными успехами, но и грамотным использованием экономических механизмов (контроль над провинциями, торговля с Китаем) и политических стратегий (брачные союзы, система кинин). При этом официальные военные институты оказались менее эффективными по сравнению с частными военными отрядами аристократии, что свидетельствует о постепенном переходе военной власти от центрального правительства к региональным элитам.

Следствием этого процесса стало возвышение дома Тайра во второй половине XII века, когда Киёмори сумел сосредоточить в своих руках не только военную, но и политическую власть, поставив под контроль императорский двор. Однако это доминирование оказалось недолгим, что впоследствии привело к масштабному военно-политическому конфликту, подробно описанному в «Повести о доме Тайра». Таким образом, изучение становления военного сословия в Японии демонстрирует сложное переплетение социальных, экономических и политических факторов.

Исходя из проведенного анализа, мы можем сделать следующие выводы по первой главе.

Эпоха Хэйан (794–1185 гг.) стала ключевым этапом в формировании японской государственности, культуры и социальной структуры, что первоначально происходило под сильным влиянием китайских образцов. Важнейшим социальным процессом стало оформление иерархии знатных родов, при этом аристократия выстраивала свою генеалогию в соответствии с мифологией, возводящей императорскую династию к богине Аматэрасу.

Усиливалось влияние отдельных родов, особенно Фудзивара, чьи представители монополизировали высшие гражданские должности. Однако спецификой Японии, отличающей её от Китая, стало возвышение военной знати в виде самурайских кланов Тайра и Минамото, которые постепенно оттесняли гражданскую знать от ключевых ролей в управлении государством.

Экономической основой власти стала система частного землевладения (сёэн), которая, возникнув как способ освоения новых земель, к X–XI вв. привела к ослаблению государственного контроля над ресурсами. Несмотря на попытки императоров ограничить рост сёэн, этот процесс оказался необратимым: частные владения стали центрами экономической и социальной жизни, предлагая крестьянам более выгодные условия, чем государственные земли.

Религиозная сфера эпохи Хэйан характеризовалась глубокой интеграцией буддизма в японское общество. Школы Тэндай и Сингон, основанные Сайтё и Кукаем, адаптировали буддийские учения к местным условиям, создав синкретическую систему рёбу синто, где синтоистские божества стали рассматриваться как воплощения будд. Упрощенные формы буддизма, такие как культ Амиды, сделали его доступным для широких слоев населения, хотя в аристократической среде он оставался элементом культурного кода, а не глубокой веры.

Становление самурайства, вопреки устоявшимся представлениям, началось уже в VII–VIII вв., но именно в эпоху Хэйан оформились его ключевые черты: военная специализация родов, система вассалитета (кисин) и этические нормы. Клан Тайра и Минамото, происходившие от императорской семьи, стали главными военными силами, используя как военные, так и политические инструменты для укрепления власти. Возвышение Тайра в XII веке, достигшее апогея при Киёмори, продемонстрировало, как военная элита могла доминировать не только на поле боя, но и при дворе, хотя это превосходство оказалось хрупким.

Глава 2. Социальные отношения в «Повести о доме Тайра»

2.1. Отношение к императору

«Повесть» начинается с истории, как Тадамори воздвиг храм во имя императора и взамен получил от того землю и право являться ко двору. Такого же права удостоились и его сыновья, служившие во дворцовой страже. Сын Тадамори Киёмори после смерти отца возглавил семью и участвовал в подавлении двух мятежей на стороне императора, за что был повышен в должности, «так как усердие, проявленное повторно, всегда заслуживает особо щедрой награды»³³. Он стал советником-сайсё, а впоследствии и главным министром.

В «Повести» упоминаются следующие почести, которых был удостоен Киёмори за свою службу: право иметь при выездах свиту, право «ездить в карете, запряженной воллом, или в повозке, которую тянет челядь, так что теперь он мог уже прямо в карете въезжать в Запретные ворота дворца, точно-точно как если бы то был сам регент или канцлер»³⁴.

Отношение к императору (государю) в тексте представлено как глубокий идейный конфликт между двумя главными действующими лицами – Тайра-но Киёмори и его сыном Сигэмори. Киёмори, чувствуя себя преданным и недооцененным государем-иноком Го-Сиракавой, который внял наветам на род Тайра, испытывает жгучую обиду. Он напоминает о многолетних заслугах своего рода перед тронем, сокрушении врагов императора и поддержке самого Го-Сиракавы в прошлых смутах, заявляя, что «императорский дом в долгу перед нашим семейством на семь поколений вперед»³⁵. Его охватывают страх и недоверие: он убежден, что государь легко поддается клевете и способен в любой момент объявить Тайра врагами, что будет смертельно для рода. Это приводит Киёмори к открытому бунту: он объявляет «Отныне я больше не слуга государю!», облачается в доспехи и

³³ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 38.

³⁴ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 38.

³⁵ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 98.

планирует силой заключить императора под стражу в загородном дворце Тоба или своей резиденции в Рокухаре, видя в этом единственный способ спасти семью. Его действия – это узурпация власти и акт неповиновения, продиктованный прагматизмом, обидой и страхом, хотя формально он еще использует титул «государь».

Совершенно иную, абсолютно лояльную позицию занимает его сын Сигэмори. Для него император – сакральная фигура, воплощение божественной власти и высшего закона. Он подчеркивает божественное происхождение правителя как «потомка богини Солнца» и провозглашает: «Милость государя превыше всего на свете! Ибо недаром сказано: «Нет земли под небесами, неподвластной государю!»³⁶. Сигэмори яростно осуждает действия отца как тягчайшее кощунство и нарушение всех основ мироздания. Он указывает, что Киёмори, будучи монахом (Правителем-иноком), совершает двойной грех: сбрасывая священную рясу – «символ прозрения бесчисленных Будд» – и облачаясь в доспехи против императора, он нарушает и Пять основных заветов Будды, и конфуцианские Пять Постоянств (человеколюбие, долг, ритуалы, мудрость, верность).

Сигэмори приводит в пример конфуцианских мудрецов, которые понимали, что «воле государя нельзя перечить», и грозит отцу божественной карой: изгнание императора «оскорбит волю богини Солнца и бога Хатимана», и боги, охраняющие Японию, «не потерпят нарушения гармонии и порядка»³⁷. Он признает заслуги рода Тайра, но предостерегает от гордыни и призывает отца наказать лишь истинных заговорщиков, а затем с еще большим усердием служить государю, дабы снискать милость богов и самого императора. Переживая мучительный внутренний конфликт между сыновним долгом и верностью государю, Сигэмори делает однозначный

³⁶ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 101.

³⁷ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 101.

выбор в пользу высшей Истины и Долга перед тронем: «Но, выбирая между правдой и кривдой, можно ли выбрать кривду?»³⁸.

Его слезы и слова о «конце счастливой судьбы» отца – это пророчество неминуемой гибели, которая постигнет того, кто посмел восстать против сакральной фигуры императора. Таким образом, текст противопоставляет прагматичный бунт Киёмори, движимого обидой и страхом, и абсолютную, основанную на религиозно-этических принципах верность Сигэмори, для которого император – неприкосновенный «владыка и господин», воля которого есть высшая правда.

Отношения вассала и императора в тексте воплощены в образе Тайрано Сигэмори как абсолютного идеала преданного служения. Его глубочайшая тревога вызвана не столько личной судьбой, сколько скорбью государя Го-Сиракавы, повергаемого в печаль действиями его отца, Киёмори. Сигэмори осознает себя «истинно преданным вассалом», чей высший долг – служить императору и поддерживать гармонию между тронем и своим родом. Он видит прямую связь между верностью государю и процветанием клана Тайра: своеволие отца «при жизни угрожает процветанию нашего рода», ибо «если увянет ствол, разве смогут процветать ветви и листья?»³⁹ Его молитва в Кумано – это мольба о смягчении сердца отца, дабы потомки Тайра «смогли по-прежнему служить государю» и сохранить славу рода.

Служение императору для Сигэмори – не просто обязанность, а основа миропорядка и залог стабильности страны. Кульминацией его преданности становится сознательный отказ от лечения у китайского врача. Он считает, что приглашение иностранного лекаря сановником его ранга «равнозначно оскорблению нашей страны Японии» и является «позором..., забвением долга министра!»⁴⁰. Его аргументы основаны на исторических примерах и вере в то, что жизнь подвластна Небу/карме, а не искусству чужеземца. Жертвуя

³⁸ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 102.

³⁹ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 151.

⁴⁰ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 156.

личным спасением, он ставит долг перед страной и императором выше жизни: «Пусть тело мое умрет, но можно ли вместе с телом утратить душу, радеющую о достоинстве государства?»⁴¹. Этот поступок вызывает глубочайшее признание даже у его мятежного отца, Киёмори, который восклицает: «Даже в древности не бывало министра, так дорожившего честью своей страны! ... Наша маленькая Япония – слишком тесноеместилище для столь великого духа!»⁴².

Смерть Сигэмори подтверждает его статус «образцового вассала» и «праведника», чьи слова никогда не расходились с делами. Его кончина воспринимается не только как личная утрата для дома Тайра, но и как угроза стабильности всей империи, ибо истинно преданный вассал, сдерживавший хаос и защищавший как императора, так и собственный род от гибельных крайностей, ушел из жизни. Таким образом, Сигэмори предстает воплощением самурайского идеала – вассалом, для которого беззаветное служение государю, честь страны и стабильность империи являются высшими ценностями, превыше личных интересов, семейных уз и самой жизни.

Следующий эпизод, который мы рассмотрим, это заточение государя-инока Го-Сиракавы во дворце Тоба силами вооруженных самураев Тайра во главе с Тайра-но Мунэмори, которое является актом прямого бунта против сакральной фигуры императора. Угроза сжечь дворец подчеркивает крайнюю степень неуважения по отношению к императорской особе и его окружению. Испуг государя, его недоумение и страх ссылки показывают полную незащищенность императора перед могущественными, но вероломными вассалами. Резкий контраст подчеркивается воспоминанием Го-Сиракавы о покойном Тайра-но Сигэмори, идеальном вассале: «Увы, как мало он [Мунэмори] походит на своего покойного старшего брата!... покойный князь Сигэмори был готов пожертвовать жизнью... благодаря ему я благополучно

⁴¹ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 156.

⁴² Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 156.

дожил... Ныне же творится подобное беззаконие! А все оттого, что нет никого, кто усовестил бы Правителя-инока!»⁴³ Сигэмори здесь – воплощение утраченного идеала верности, защитник императора от собственного рода.

Предательство вассального долга проявляется и в полном одиночестве государя при изгнании: «Ни один вельможа, ни один придворный не сопровождал его»⁴⁴. Последствия этого нарушения вассальных уз глубоко травмируют всю императорскую семью и государство: Император Такакура (сын Го-Сиракавы) в отчаянии отказывается от пищи и затворяется. Его молитвы богине Аматаэрасу об отце подчеркивают сакральную связь императорской династии с богами и семейные узы, попранные Тайра. Таким образом, текст рисует катастрофическую картину разрушения основополагающих отношений вассалитета, где император становится беспомощной жертвой, а его истинные вассалы – редким исключением на фоне всеобщего страха и предательства.

В восьмом свитке в главе «Вельможа Барабанчик» описывается эпизод мятежа Кисо против императора. Отношение к императору в этом фрагменте демонстрирует глубокий конфликт между сакральностью императора и политической беспомощностью перед военной силой мятежников. Несмотря на мятеж, сакральный статус императора все еще обладает непререкаемой силой в сознании даже восставших самураев. Это ярко проявляется в их мгновенной реакции на предупреждения о святости особы: как только Мунэнага кричит: «Это паланкин государя-инока! Побойтесь греха!», все самураи сошли с коней и преклонили колена⁴⁵. Автор хочет показать, что глубокое благоговение перед императором, страх перед осквернением его священной особы заложены в саму культурную и религиозную основу общества, заставляя даже мятежников инстинктивно преклониться. Несмотря на это, автор заключает: «Словами не описать, каким убогим и жалким был

⁴³ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 169-170.

⁴⁴ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 170.

⁴⁵ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 364.

на сей раз императорский выезд»⁴⁶, что показывает утрату реальной власти императором. Таким образом, отношение к императору здесь – это противоречие между сакральностью его статуса, вызывающей инстинктивное почтение, и его полной политической незащищенностью перед военной силой мятежников.

Таким образом, «Повесть о доме Тайра» раскрывает, как выстраивались отношения между вассалами и императором в средневековой Японии. Через противопоставление Тайра-но Киёмори и его сына Сигэморы текст исследует кризис верности, формирует образ лояльного вассала, готового вступить в конфликт с семьей ради императора. Последующие эпизоды демонстрируют негативные последствия этого кризиса: император, несмотря на сохраняющуюся сакральность, выражавшуюся в ритуальном преклонении, оказывается политически беспомощным перед военной силой мятежников. «Повесть» рисует картину краха идеала служения: истинная преданность в лице Сигэморы и Дзёкэна становится редким исключением на фоне предательства и мятежа, показывая разрыв между сакральным статусом и реальной властью императора.

2.2. Отношение к господину

Рассмотрим то, как в «Повести о доме Тайра» представлены отношения между вассалом и господином. В сюжете «Повести» мы знакомимся с множеством воинов-самураев, которые демонстрируют свою верность господину в различных ситуациях.

Обратимся к эпизоду «Тайные козни» в самом начале произведения. Отношения Тайра-но Тадамори с его вассалом Иэсадой представлены как образец самурайской преданности, основанной на взаимной верности, защите и готовности к самопожертвованию, которая превосходит формальные правила и даже угрозу императорского гнева. Абсолютная преданность

⁴⁶ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 364.

вассала Иэсады проявляется в его самоотверженных действиях: узнав о заговоре придворных против господина, он самовольно является во дворец в боевом панцире под парадной одеждой и с мечом, открыто заявляя: «Дошло до меня, что нынче вечером хотят напасть на моего господина, которому еще предки мои служили верой и правдой, вот я и пришел, чтобы доглядеть, что тут затевают. А посему удалиться мне никак невозможно!»⁴⁷

Со своей стороны, господин Тадамори демонстрирует ответственность, предусмотрительность и готовность защищать своего вассала. Он предвидит опасность и идет на пир с деревянным мечом, оклеенным серебряной фольгой. Во время конфликта он молчаливо поддерживает Иэсаду своим грозным видом. Ключевым проявлением ответственности господина является его поступок после пира: когда придворные требуют наказать обоих, Тадамори берет вину на себя, защищая вассала перед императором. Он объясняет действия Иэсады как естественное проявление преданности воина, спасающего господина от позора, и готов выдать его на суд, но лишь в рамках справедливости, одновременно доказывая свою невиновность в ношении настоящего меча. Доверие и забота Тадамори видны и в том, что он скрывает от Иэсады то, что придворные пели о нем насмешливую песню, опасаясь, что тот бросится в зал с обнаженным мечом.

Примечательно, что случившееся одобряет сам император Тоба. Он не только оправдывает обоих, но и восхищается ими: хитроумие Тадамори с деревянным мечом он называет «дальновидностью... достойной настоящего самурая», а поступок Иэсады признает «целиком в обычае военных семейств»⁴⁸. Своей похвалой император подтверждает приоритет вассальной верности и воинской чести перед придворным этикетом.

Таким образом, связь Тадамори и Иэсады воплощает идеал самурайских отношений: вассал готов на самопожертвование ради защиты жизни и чести господина, а господин берет на себя ответственность за

⁴⁷ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 35.

⁴⁸ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 37.

вассала и защищает его перед высшей властью. Их взаимная преданность сильнее придворных интриг и в итоге получает высшее одобрение.

Во втором свитке в главе «Сигнальные огни» отношения самурая и господина представлены как конфликт между двумя несовместимыми священными долгами: верностью государю и сыновней почтительностью к отцу. Сигэмори настаивает, что «особа государя священна» и готов стоять насмерть, защищая дворец императора Го-Сиракавы. Он воспринимает своих вассалов как воинов, давших «клятву не щадить ради меня своей жизни»⁴⁹.

Однако этот долг верности императору сталкивается с долгом сына перед отцом, Тайра-но Киёмори (Правителем-иноком), который сам замышляет нападение на государя. Сигэмори мучается перед дилеммой: «Сохранить верность государю – значит, отвернуться от отца, чьи благодеяния превыше горы Сумэру. О, скорбный выбор! Избегну греха сыновней непочтительности – значит, стану послушником, нарушившим долг верности государю!»⁵⁰ Для Сигэмори есть лишь один выход из ситуации – собственная смерть.

Отношения Сигэмори со своими собственными вассалами становятся ключом к разрешению противоречия. Сигэмори приказывает своим верным вассалам немедленно явиться с оружием. Вассалы реагируют согласно идеалу самурайской преданности: они бросают все и стремглав мчатся к нему, забывая о доспехах и оружии в спешке. Более того, даже самураи, собранные его отцом Киёмори для нападения на дворец, массово дезертируют и переходят к Сигэмори. Сигэмори использует свой авторитет господина и доверие вассалов для предотвращения мятежа против императора.

Поучительная притча о чжоуском Ю-ване и сигнальных огнях, рассказанная Сигэмори, служит напоминанием о важности дисциплины и истинной цели воинского долга – защите государства от реальной угрозы.

⁴⁹ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 102.

⁵⁰ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 102.

Под предлогом ложной тревоги Сигэмори распускает войска, предотвратив мятеж и одновременно не бросив тень на своего отца. Этот эпизод демонстрирует готовность вассалов поддержать своего господина в любых ситуациях.

В главе «Тайра покидают столицу» седьмого свитка автор показывает и другую сторону вассальных отношений, связанную с предательством. Когда Тайра бегут из столицы, Дайнагон Ёримори, властитель Усадьбы у Пруда, открыто предает своих господ. Он не только отстает под предлогом того, что что-то забыл в столице, но осознанно срывает с доспехов герб Тайра. Вместе с ним уходят более трехсот вассалов. Тем самым Ёримори нарушил самурайский долг. Оставшиеся Тайра реагируют на предательство следующим образом: Морицуги требует казни, но Мунэмори, с горечью признавая реальность, велит не стрелять в изменников. Томомори же выражает отчаяние: «Еще и дня не прошло... а в сердца людские... уже закралась измена!»⁵¹.

В противоположность этому предательству выступает верность других вассалов. Правитель земли Хиго Садаёси становится воплощением идеала бусидо. Узнав о бегстве, он спешит защитить столицу. Встретив воинов Тайра, он убеждает Мунэмори остаться и встретить судьбу с честью. Он передает пятьсот воинов сыновьям покойного князя Сигэмори, а сам с горсткой людей возвращается в столицу, но не за тем, чтобы отвоевать ее, а чтобы исполнить свой долг перед покойным господином Сигэмори. Садаёси раскапывает могилу, чтобы не дать осквернить прах Сигэмори.

Таким образом, в данной главе представлено противопоставление предательства Ёримори и верности Садаёси, оплакивающего падение дома Тайра: «О горе, горе! Взгляни, что случилось с твоим семейством! С древних пор известна нам истина, что все живое неизбежно погибнет и на смену радости придет горе...»⁵².

⁵¹ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 327.

⁵² Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 330.

В следующей главе поднимается проблема вассального долга. Самураи вынуждены бросать своих близких, но не могут поступить иначе из-за тех уз, которые связывают вассала и господина. Автор подчеркивает: «Мыслимо ли забыть о благодеяниях господ, которым служили долгие годы?!»⁵³

Речь Мунэмори к самураям в Фукухаре показывает суть вассальных отношений: «Все вы – не случайные люди, служившие нам лишь короткое время; вы – потомственные вассалы нашего дома, как и многие поколения ваших предков! Многие из вас связаны с нами узами родства, осыпаны щедрыми милостями нашего дома на протяжении нескольких поколений. В минувшие годы, когда процветал наш род Тайра, вы тоже благоденствовали и семьи ваши жили в довольстве благодаря нашим щедротам! Ныне пришло время воздать нам за эти благодеяния! Помните, здесь с нами император, владыка, украшенный всеми Десятью добродетелями, с нами три священных символа его власти! Отвечайте же, готовы ли вы следовать за ним на край света, в неведомые поля и горы?»⁵⁴. Таким образом, в этой речи мы можем выделить следующие особенности вассальных отношений: предопределенность и родство, взаимность обязательств, высший смысл служения, связанный с защитой священной особы императора и его регалий.

Самураи отвечают Мунэмори, показывая свою верность: «Мы пойдем за государем повсюду, – не только здесь, в Японии, об этом и говорить нечего, – но и дальше, куда угодно, хоть в Силлу, в Пэкче, в Когуре, в Кидань, на край света, за моря-океаны, а там будь что будет!»⁵⁵ Определяя себя как «самураев, всадников, посвятивших себя служению луку и стрелам», самураи говорят о том, что «двоедушие» для них недопустимо. Таким образом, отношения вассала и господина в этом отрывке показывают клятву верности, несмотря на падение рода, которому в этой верности клялись.

⁵³ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 331.

⁵⁴ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 332.

⁵⁵ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 332.

В этом смысле показателен и сюжет из главы «Старый конь», в котором вельможи Тайра отказываются выступать против Ёсицунэ. Единственным согласившимся становится Норицунэ, который отмечает необходимость исполнения вассального долга, несмотря ни на что: «Каждый должен считать ратное дело своим главным, первейшим долгом! Разве можно добиться победы, если перебирать, словно на охоте или на рыбной ловле: „Туда не пойду, там улова не будет!“ или: „Это место сулит удачу, туда – согласен!“»⁵⁶

В главе «Пострижение Корэмори» десятого свитка раскрывается идея священного, пожизненного долга. Сигэкагэ рассказывает о своем отце Кагэясу, который пал за Тайра-но Сигэмори в битве при Хэйдзи. Эта жертва стала основой связи: Сигэмори, признавая долг перед павшим вассалом, берет осиротевшего мальчика под свою опеку. Еще когда был жив отец Сигэкагэ, Сигэмори даровал ему детское имя «Мацуо» (в честь усадьбы Комацу), а позже наделил его взрослым именем Сигэкагэ, соединяя иероглиф своего имени («Сигэ») и имени отца юноши («Кагэ»). На смертном одре Сигэмори укрепляет эту связь, завещая ему долг: «Служи теперь верой и правдой моему сыну!»⁵⁷ Поэтому предложение Корэмори спастись Сигэкагэ воспринимает не как милость, а как глубочайшее оскорбление и свидетельство собственной низости в глазах господина. Его реакция – это показатель вассальной преданности: «...вы считаете, что я способен покинуть вас в беде. Как жжет меня стыд при одной только мысли, что вы принимали меня за столь низкого человека!»⁵⁸

Вместо бегства Сигэкагэ совершает символический и необратимый шаг – постригается в монахи, тем самым подтверждая готовность следовать за Корэмори до конца. Таким образом, Сигэкагэ становится олицетворением долга в момент краха рода Тайра.

⁵⁶ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 394.

⁵⁷ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 459.

⁵⁸ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 459.

Еще одним аспектом вассальных отношений является забота господина о своих вассалах. Так, например, Ёсицунэ отдает священнику своего лучшего коня, чтобы тот помолился за усопшего воина. Самураев трогает такая щедрость: «Поистине за такого господина не жаль пожертвовать жизнью!»⁵⁹

Таким образом, «Повесть о доме Тайра» представляет вассальные отношения как идеал (бусидо), пронизывающий всю социальную ткань эпохи и испытываемый на прочность политическими катастрофами. В основе этого идеала лежит глубоко личная, часто наследственная связь, основанная на взаимности обязательств: вассал клянется в абсолютной преданности и готовности к самопожертвованию, а господин обязуется обеспечивать покровительство и брать на себя ответственность за вассала перед высшей властью императора. Эта связь превосходит формальные правила и даже семейные узы, основываясь на понятиях чести, долга благодарности и глубокой личной привязанности.

Подведем итоги анализа текста «Повести о доме Тайра» во второй главе нашего исследования.

«Повесть о доме Тайра» представляет вассальные отношения как сложный и противоречивый институт, где идеал верности (бусидо) постоянно испытывается на прочность реальностью. С одной стороны, текст идеализирует абсолютную преданность как высшую добродетель, воплощенную в Сигэмори, Иэсаде или Садаёси. Через противопоставление персонажей, их поступков и внутренних конфликтов произведение демонстрирует, как идеал верности сталкивается с политической реальностью, приводя к трагическим последствиям. По сюжету «Повести» вассалы предают и императора, и своих господ, несмотря на принятые в обществе нормы. Именно поэтому на их фоне так выделяются персонажи, которых автор «Повести» наделяет образом идеальных, преданных вассалов-самураев.

⁵⁹ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 490.

Глава 3. Духовная жизнь самураев в «Повести о доме Тайра»

3.1. Влияние религии на поведение самураев

Как мы уже отмечали выше, к XII в. в Японии сложился синтез национальных религиозных традиций и буддизма, пришедшего из Китая. Буддизм в Японии закрепился в виде учения дзэн (в Китае – чань). Основные положения дзэн таковы:

- первоосновой мира является пустота, которая одинакова с «природой будды», которая порождает все сущее;
- существование противоположностей отрицается;
- не существует «вселенского будды», он растворен в каждом из живых существ;
- главная задача человека – достичь просветления (сатори) в том теле, в котором он живет сейчас;
- учение передается «от сердца к сердцу», не через тексты, а через учителя⁶⁰.

Как отмечают исследователи, «дзэн с его проповедью самодисциплины в повседневной жизни, отрицавший значение книжной учености и утверждавший возможность внезапного просветления, пришелся воинам особенно по нраву»⁶¹. Утверждая позитивный взгляд на мир, дзэн поддерживает спонтанность, естественность в поступках человека.

Теперь рассмотрим, как эти принципы отражаются в тексте «Повести о доме Тайра».

Ярким проявлением принятия своей судьбы является история князя Сигэхиры, который был повинен в сожжении храмов. В главе «Казнь Сигэхиры» он таким образом подводит итог своей жизни: «Мне надлежало погибнуть год назад в битве при Ити-но-тани, но, верно, в наказание за грехи, свершенные в прежних рожденьях, меня взяли живого в плен, возили по

⁶⁰ Андреева С.Г. Дзэн // Энциклопедия религий. М., 2008. С. 376-377.

⁶¹ Кабанов А. М. История дзэн в Китае и Японии // Годзан бунгаку. Поэзия дзэнских монастырей. СПб., 1999. – С. 20.

широким дорогам столицы на всеобщее поругание... Мой позор был выставлен напоказ и в Камакуре, и в столице. О, как это больно! А теперь, в довершение моих страданий, предстоит мне принять смерть от рук монахов Нары – вот почему я здесь очутился...»⁶². Таким образом, несмотря на горечь поражения, Сигэхира принимает свои грехи, какими бы они ни были. Перед самой казнью Сигэхира молится Будде, вспоминая учение школы Тэндай: «То, что представляется нам греховным, напротив, приводит человека к спасению. Стоит хотя бы один-единственный раз воззвать к Будде, и самый страшный грех мгновенно исчезнет...»⁶³.

В главе «Вершина Коя» князь Корэмори так объясняет свое решение принять монашеский постриг: «Я мечтал как-нибудь пробраться в столицу по горным тропкам, еще хоть раз поглядеть на моих дорогих, любимых, но, как вспомню о судьбе Сигэхире, горечь сжимает сердце. Стало быть, и в столицу мне путь заказан! Раз уж все равно умирать, лучше постригусь здесь в монахи и приму смерть, все равно где – на дне ли морском, в огне ли...»⁶⁴. Таким образом, Корэмори отказывается от прошлой жизни, принимая падение своего дома.

Религия определяет поведение и внутренний мир Корэмори. В главе «Богомолье в Кумано» Корэмори переходит через реку Ивата, веря, что это действие очистит его от всех прегрешений из прошлой жизни и избавит от плохой кармы. Он участвует в покаянии за «Шесть грехов», порожденных шестью чувствами (зрением, слухом и т.д.) – практике признания и очищения от мирских заблуждений и страстей. Примечательно, что в этом отрывке проявляется и синкретический характер японских верований – на горе Юя Корэмори ощущает одновременно и «великое милосердие Будды», и «несказанное величие богов»⁶⁵. Отметим, что этот синкретизм прослеживается через весь текст «Повести».

⁶² Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 535.

⁶³ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 538.

⁶⁴ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 456.

⁶⁵ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 462.

Ключевым конфликтом главы становится невозможность полностью отрешиться от мира. Несмотря на искреннее стремление к спасению, Корэмори не может полностью отказаться от мирских обязанностей и любви. Его молитва о «покое и благополучии жены и детей» – прямое проявление страстей, от которых он стремится избавиться.

Перед смертью Корэмори вновь настигают мысли о семье. Корэмори молится в сторону заката – в направлении Чистой Земли будды Амида, однако его не оставляют мысли о доме: «Там, в столице, они и ведать не ведают... Ждут не дождутся, наверное, весточки...»⁶⁶. Отрывок иллюстрирует конфликт между буддийским идеалом полного отречения от мирского и естественными человеческими чувствами любви и ответственности. Корэмори так объясняет невозможность соединения этих двух сторон жизни: «Мало того что неустанно печешься о них, пока живешь в миру, – горько, что любовь к ним мешает достичь нирваны в грядущей жизни!»⁶⁷.

В главе «Дальние стрелы» во время битвы Тайра и Минамото на небе появляется знамение в виде белого стяга. Когда над кораблём Минамото появляется белый стяг без владельца, его немедленно распознают как знамение великого бодхисатвы Хатимана. Ёсицунэ и его самураи совершают ритуал: моют руки, полощут рот и кланяются стягу, что показывает их глубокую веру в божественные знаки и готовность следовать религиозным традициям даже в разгар битвы.

Гадание и предсказания также играют важную роль. Учёный мудрец Харунобу Абэ, сведущий в законах Инь-Ян, интерпретирует появление морских свиней как важное знамение: «Если дельфины повернут вспять, Минамото погибнут, но если они поплывут вперед, под днищами наших судов, тогда нам угрожает опасность»⁶⁸.

⁶⁶ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 465.

⁶⁷ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 465.

⁶⁸ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 504.

Таким образом, религия активно формирует поведение самураев, влияет на принятие стратегических решений и определяет их отношение к происходящим событиям. Вера в божественные знамения и предсказания становится неотъемлемой частью военной тактики и морального духа воинов.

Сила священных регалий становится еще одной темой, поднимаемой в «Повести». Так, в главе «Гибель правителя Ното» самураи пытаются вскрыть ларец со священном зеркалом, но у них не получается – в их глазах темнеет, и начинает идти кровь из носа. « – Это священное зеркало! – воскликнул пленный дайнагон Токитада, – Простым смертным не дано его лицезреть! – И, услышав эти слова, все самураи попятились, объятые страхом»⁶⁹.

Таким образом, религия не просто сопровождает жизнь самураев, а глубоко структурирует их восприятие мира, оправдывает страдания, диктует этику принятия судьбы, влияет на тактические решения и создает непреодолимый конфликт между духовными идеалами и человеческой природой.

3.2. Эстетическая составляющая образа жизни самураев

Образ жизни самураев был пронизан глубокой эстетикой, которая отражала их философию, духовные поиски и стремление к гармонии между воинским долгом и внутренним совершенством. Эта эстетика проявлялась в повседневных практиках, искусстве и даже в подходе к смерти. Американский исследователь Б. Лафайет Де Мент отмечал, что «в древности японцы сформировали утверждение, что форма является реальностью сама по себе и превосходит содержание»⁷⁰. Дональд Ричи выделяет следующие

⁶⁹ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 507.

⁷⁰ Орлянская Т. Г. Истоки своеобразия японской культуры // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-svoeobraziya-yaponskoj-kultury> (дата обращения: 23.06.2025).

характерные черты японской эстетики: красота простоты, стремление к изяществу, утонченности⁷¹.

В этой связи отметим две эстетические концепции: саби и ваби. Саби обычно возводят к нескольким понятиям: глаголу сабу, означающему «убывать», и существительному сусаби – «одиночество», «отрепёдность», «запустение». Ваби же произошло от глагола вабу – «исчезать», «истощаться». Ваби подразумевает бедность, одиночество, но также и гармонию и спокойствие⁷².

Теперь рассмотрим, как эти принципы отражаются в «Повести о доме Тайра». В главе «Нобуцура» мы встречаем эпизод с принцем Мотихито и самураем Нобуцура, посвященный побегу принца из дворца. Изначальная сцена задает тон эстетике утонченного созерцания (фурю): принц пребывает в «безмятежном расположении духа», любуясь игрой лунного света в просветах облаков. Музыка является большой ценностью: забытая флейта «Веточка» бережно хранилась как «самая большая драгоценность». Ее чудесное возвращение и последующее распоряжение принца положить ее в гроб подчеркивают сакральный статус искусства, где эстетический объект равен жизни⁷³.

Эстетика проявляется и в подчеркнутой визуальности текста. Переодевание принца в женское платье с распущенными волосами и вуалью, его сопровождение слугами с зонтом и узлом – это не просто побег, а сознательная попытка создать гармоничный, хотя и вынужденно-театральный образ знатной дамы, чьему обману, однако, угрожает

⁷¹ Ричи Дональд. Тракта́т о японской эстетике [Электронный ресурс]. 2023. URL: - https://psv4.userapi.com/s/v1/d/TPs_y_xjeEN8MoqRtXyNx cu_p2JC9_9vNhJW071qL8mX9WLWOsF2k45ggDuJOy7Xr_c0F1gPd5ro-noX1AyxJYUs-BicUH9ixV5bocHAADirIQ4SvZIVeg/D_Richi_Traktat_ob_estetike.pdf (дата обращения: 23.06.2025).

⁷² Ричи Дональд. Тракта́т о японской эстетике [Электронный ресурс]. 2023. URL: - https://psv4.userapi.com/s/v1/d/TPs_y_xjeEN8MoqRtXyNx cu_p2JC9_9vNhJW071qL8mX9WLWOsF2k45ggDuJOy7Xr_c0F1gPd5ro-noX1AyxJYUs-BicUH9ixV5bocHAADirIQ4SvZIVeg/D_Richi_Traktat_ob_estetike.pdf (дата обращения: 23.06.2025).

⁷³ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 188.

«непристойность» прыжка через канаву. Одежда Нобуцуры перед боем – бледно-голубой кафтан поверх светло-зеленого панциря с церемониальным мечом у пояса – демонстрирует внимание к цветовой гармонии и форме даже в момент смертельной опасности, превращая воина в визуальный символ достоинства.

Эпизод с Тайра-но Таданори в главе «Таданори покидает столицу» показывает самурайскую эстетику со стороны поэзии. Возвращение Таданори в осажденную столицу – не военная необходимость, а сознательный эстетический и духовный жест. Рискуя жизнью, он приходит для признания своего поэтического дара учителем Сюдзэем. Его поступок объясняется потребностью в поэзии: «Всеми помыслами, искренне и глубоко, предавался я науке стихосложения»⁷⁴. Даже в разгар войны он мечтал увидеть свое стихотворение в грядущем императорском сборнике – поэзия здесь предстает как высшая форма духовного существования, равная по значимости воинской славе.

Мы вновь встречаем важность музыкальных инструментов уже в главе «Цунэмаса покидает столицу». Цунэмаса появляется в храме в полном боевом облачении, в лиловом боевом кафтане, светло-зеленом панцире, с мечом, луком и стрелами. Это контрастирует со святостью места. Цунэмаса смущается из-за неподобающего для храма вида, что подчеркивает уважение к духовному пространству.

Центральный объект эстетики в этом эпизоде – это лютня «Зеленая горка». Настоятель подарил Цунэмасе эту лютню в прошлом, и теперь Цунэмаса возвращает ее в храм, чтобы уберечь. Таким образом, лютня образует связь между самураем и настоятелем храма.

Настоятель отвечает в виде стихотворения-танка:

«Наступает, увы,
час безвременной нашей разлуки,
но пребудет вовек

⁷⁴ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 321.

незабвенный образ со мною
в этой лютне «Зеленая горка»...»⁷⁵

Это стихотворение показывает, как лютня становится инструментом памяти, взаимного уважения и духовной близости. Горе монахов, которые цепляются за рукава Цунэмаасы и особенно учителя Гёкэя, провожающего его до речки Кацуры, подчеркивает глубину человеческих связей и боль разлуки. В истории Цунэмаасы сочетается трагизм изгнания с красотой духовной верности учителя и ученика. Для Цунэмаасы одинаково важны как его меч и доспехи, так и его лютня и стихи.

Как подтверждение особой утонченности рода Тайра в «Повести» приводится эпизод «Госпожа Сэндзю», где Ёримото, пленивший Сигэхиру, восклицает: «Я всегда думал, что люди Тайра помышляют только о боевых доспехах, луке и стрелах, но оказалось, что этот Сигэхира — превосходнейший музыкант! Я всю ночь слушал украдкой, как он пел и играл на лютне!»⁷⁶ В этой главе Сигэхиру сравнивают с пионом – «царем цветов», символом мужской красоты.

Таким образом, эстетика самураев в «Повести о доме Тайра» соединяет в себе воинскую суровость и утонченность духа, а красота искусства, ритуала и даже гибели возвышается над хаосом, утверждая достоинство и вечность духа в преходящем мире.

Подведем итоги третьей главы нашего исследования.

«Повесть о доме Тайра» раскрывает сложный и многогранный образ самурайской культуры, где религиозные воззрения и эстетические идеалы формируют уникальное мировоззрение воина. Через судьбы ключевых персонажей текст демонстрирует, как вера и искусство не просто сопровождали жизнь самураев, но и определяли их поступки, отношение к смерти и даже стратегические решения на поле боя.

⁷⁵ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 324.

⁷⁶ Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — С. 451.

К XII веку буддизм, особенно школа дзэн, прочно укоренился в сознании самураев, предлагая философию, которая идеально соответствовала их образу жизни. Учение о пустоте, просветлении и принятии судьбы как кармического предназначения стало духовной основой для воинов, воспитывавших в себе дисциплину, спокойствие перед лицом смерти и готовность к самопожертвованию.

Образ жизни самураев в «Повести о доме Тайра» предстает как синтез духовности и красоты. Религия дает им философскую основу для принятия судьбы, смерти и страданий, тогда как искусство превращает их существование в осознанное творчество, где каждый жест, будь то написание стиха или прощание с жизнью, исполнен смысла и гармонии. «Повесть» показывает, что истинный самурай – это не просто воин, но и философ, музыкант и поэт.

Глава 4. История самураев средневековой Японии в школьном обучении

4.1. Нормативно-правовой и теоретический аспекты изучения истории самураев средневековой Японии в рамках преподавания в школе

Федеральный государственный стандарт общего основного образования от 2022 г. определяет следующие предметные результаты, которые должен достичь выпускник, изучая программу всеобщей истории:

1) формирование основ гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности обучающегося, усвоение гуманистических и демократических ценностей, идей мира и взаимопонимания между народами, людьми разных культур;

2) овладение базовыми историческими знаниями, а также представлениями о закономерностях развития человеческого общества в социальной, экономической, политической, научной и культурной сферах; приобретение опыта историко-культурного, цивилизационного подхода к оценке социальных явлений, современных глобальных процессов;

3) формирование умений применения исторических знаний для осмысления сущности современных общественных явлений, жизни в современном поликультурном, полиэтничном и многоконфессиональном мире;

4) формирование важнейших культурно-исторических ориентиров для гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности, миропонимания и познания современного общества на основе изучения исторического опыта России и человечества;

5) развитие умений искать, анализировать, сопоставлять и оценивать содержащуюся в различных источниках информацию о событиях и явлениях прошлого и настоящего, способностей определять и аргументировать свое отношение к ней⁷⁷.

⁷⁷ ФГОС Основное общее образование. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 N 1897 (ред. от 11.12.2020). URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 23.06.2025).

Федеральная образовательная программа основного общего образования от 2023 г. определяет следующее содержание, связанное с темой нашей работы, для изучения в 6 классе: «Япония в Средние века: образование государства, власть императоров и управление сёгунов»⁷⁸.

Примерная рабочая программа основного общего образования по предмету «История» определяет следующие виды деятельности для изучения истории средневековой Японии: «Объяснять, каким было положение императора в Японии и какую роль в управлении страной играли сёгуны. Рассказывать о религиозных верованиях жителей Японии. Сравнивать статус и кодекс поведения японского самурая и европейского рыцаря, определять, что было общим»⁷⁹.

Таким образом, выбранная нами тема соответствует основным федеральным требованиям для изучения в 6 классе. Рассмотрим, какие варианты теоретического изучения данной темы представлены в учебниках из утвержденного перечня и в методических рекомендациях к ним.

На данный момент в федеральном перечне учебников представлен один учебник по истории Средних веков под редакцией В. Р. Мединского и А. О. Чубарьяна 2025 г. издания. Тема средневековой Японии представлена в соединенном параграфе 16-17 «Китай и Япония в Средние века». В начале параграфа представлены главные термины, по нашей теме – это самурай, сёгун и синтоизм. Третий пункт параграфа «Средневековая Япония» рассказывает о становлении японского государства. Школьникам предлагается ознакомиться с изображением самурая XIV в., с самим термином самурай, а также с терминами харакири, сёгун, камикадзе. Самураи характеризуются следующим образом: «Большинство самураев

⁷⁸ Федеральная образовательная программа основного общего образования (Утверждена приказом Минпросвещения России от 18.05.2023 под № 370). URL: <https://fgosreestr.ru/poop/federalnaia-obrazovatelnaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-utverzhdena-prikazom-minprosveshcheniia-rossii-ot-18-05-2023-pod-370> (дата обращения: 23.06.2025).

⁷⁹ Примерная рабочая программа основного общего образования «История». URL: <https://fgosreestr.ru/oop/primernaia-rabochaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-istoriia> (дата обращения: 23.06.2025).

были вассалами местных правителей. Они часто не имели земли, получая жалованье рисом. Кодекс самураев требовал верности своему господину, признавал достойным лишь военное дело, был проникнут духом презрения к смерти. Под угрозой пленения или при «потере лица» самурай обязан был совершить ритуальное самоубийство – харакири»⁸⁰.

Четвертый пункт параграфа «Культура средневекового Китая и Японии» раскрывает особенности японской культуры следующим образом: «Привыкшие к суровым природным условиям японцы ценили прекрасное во всем, что окружало человека. В национальной религии японцев – синтоизме – священными считались природные объекты, например камень, дерево, ручей»⁸¹. В пункте также делается акцент на переплетении буддистских и синтоистских традиций в религии японцев. Упомянуты такие стихотворные жанры, как танка и хокку. В конце параграфа учащимся предлагается поработать с историческим источником – «Напутствие вступающему на Путь Воина» (бусидо). Предлагается поразмышлять, что считалось главным долгом самурая, какие у него есть обязанности. Второе задание к тексту заключается в том, чтобы найти в нем слова, которые доказывают, что самурай, помимо воинской деятельности, также ценил красоту жизни.

Таким образом, анализ нормативно-правовых источников и современных учебников по истории Средних веков позволяет сделать выводы об актуальности проведенного нами анализа образа жизни самураев и возможности применения собранных материалов для изучения истории средневековой Японии в школе.

4.2. Методические приемы и средства обучения при изучении истории самураев средневековой Японии

⁸⁰ История. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс. М., 2025. – С. 153.

⁸¹ История. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс. М., 2025. – С. 156.

Рассмотрим, какие методические приемы и средства обучения применимы при изучении нашей темы.

В методическом пособии к учебнику 6 класса (автор О.Ю. Стрелова) предлагается следующий вариант урока «Богатейшие страны Востока: средневековая Индия, Китай и Япония в Средние века». Урок определяется как «урок-путешествие» и лабораторное занятие. Учащихся предлагается поделить по тематическим группам на страны. Группе «Япония» выдаются следующие задания:

1. Представьте себя европейскими путешественниками и проведите свой маршрут путешествия по карте.
2. Ответьте на вопрос: «На каких из примерно трёх тысяч островов живёт большинство японцев? Какой город является столицей реальных правителей Японии – сёгунов?»⁸².
3. Описать природу Японии, занятия населения.
4. Разговор с самураем. Предлагается узнать, кому он служит, какие у него обязанности и т.д.
5. Предлагается узнать о прошлом Японии во времена сёгунов из рода Миномото, поразмышлять, чем власть императоров в Японии отличалась от Китая.
6. Описать культуру японцев.
7. Задание под «звездочкой». Предлагается поразмышлять, почему Марко Поло не добрался до Японии.

В методических рекомендациях, составленных А. В. Игнатовым для учебника под редакцией Е. В. Агибаловой и Г. М. Донского предлагаются следующие приёмы, формы организации познавательной деятельности учащихся:

- составление сравнительной таблицы «Страны средневековой Азии»;
- групповая работа;

⁸² Стрелова О. Ю. История. Всеобщая история. История Средних веков : 6-й класс : методическое пособие к учебнику под общ. ред. В. Р. Мединского. — М., 2023. — С. 154.

- работа с текстом учебника;
- викторина;
- исследовательский проект «Самураи и европейские рыцари»⁸³.

В Библиотеке цифрового образовательного контента, созданной под руководством Министерства просвещения РФ, педагогам предлагается урок по теме «Государственность Китая и Японии» для 6 класса. Урок содержит следующие электронные материалы: «Диагностическая работа», «Исторические документы», «Карта (простая карта, условные обозначения содержатся непосредственно на карте)», «Самостоятельная работа»⁸⁴. Отметим, что внутри модуля освоения нового материала нет ни одного задания, посвященного истории Японии. Изучение истории Японии автор предлагает вынести на домашнее задание. В качестве домашнего задания учащимся предлагается пройти задания на соотнесение терминов и определений и тестовое задание. Представляется, что подобный урок вряд ли сформирует представления о Японии у учащихся.

Как мы видим, в школьном тематическом планировании есть тенденция объединять темы, связанные с изучением истории стран Азии, в один-два урока. Это объясняется особенностями распределения часов по темам и меньшим упором на историю этих стран в рабочих программах. Тем не менее, именно этот факт делает актуальным разработку новых способов изучения материала, связанного с историей средневековой Японии. Материал должен быть организован таким образом, чтобы при ограниченном количестве времени достигнуть достаточных результатов в изучении темы.

Одним из продуктивных способов освоения нового материала являются ролевые игры. По нашему мнению, именно такой формат может быть полезен при изучении темы, связанной с образом жизни самураев. Психолог

⁸³ Игнатов А.В. Всеобщая история. История Средних веков. Методические рекомендации. 6 класс. М., 2023. С. 122-125.

⁸⁴ Булаткин Ю. С. Урок: Государственность Китая и Японии. – URL: <https://academy-content.apkpro.ru/ru/lesson/30361673-62ff-479c-8946-3ac61d0cb910> (дата обращения 23.06.2025).

Л. С. Выготский рассматривает игру как важный фактор развития высших психических функций. Согласно Л. С. Выготскому, именно в игре ребенок способен проработать максимальное разнообразие своих способностей и талантов. Игра предоставляет уникальную возможность исследовать мир, осваивать социальные роли и приобретать жизненно необходимые навыки⁸⁵.

Ролевую игру можно определить как «специально организованное соревнование в решении коммуникативных задач и имитации предметно-практических действий участников, исполняющих строго заданные роли в условиях воображаемой ситуации, и регламентированное правилами»⁸⁶.

Как отмечают Э. А. Канцеров и Л. Г. Насырова, «ничто не сможет так воссоздать атмосферу конкретного исторического времени, необходимую для понимания исторических событий, как ролевая игра»⁸⁷.

Предлагаем свой вариант задания по теме «Особенности мировоззрения и поведения самураев средневековой Японии в «Повести о доме Тайра» с элементами ролевой игры. Для задания мы выбрали отрывок из начала «Повести», главу «Тайные козни» (приложение 1).

Цель: На основе анализа эпизода «Повести о доме Тайра» выявить и охарактеризовать основные черты мировоззрения и поведения самураев в средневековой Японии.

Задание. Дискуссия с элементами ролевой игры. Прочитайте внимательно отрывок и выполните следующие задания:

Ситуация и Конфликт:

1. Почему придворные завидовали Тайра-но Тадамори и что они задумали? (Кратко опишите причину конфликта).

⁸⁵ Глаголева К. С. Л. С. Выготский о роли игры в психическом развитии ребенка // Молодой ученый. – 2017. – С. 324–326.

⁸⁶ Куприянов Б.В., Подобин А.Е. Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России. – Кострома, 2003. – С.16.

⁸⁷ Канцеров Э. А., Насырова Л. Г. Игровая деятельность на уроках истории как средство повышения эффективности преподавания на примере ролевой игры // Форум молодых ученых. 2019. №6 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-deyatelnost-na-urokakh-istorii-kak-sredstvo-povysheniya-effektivnosti-prepodavniya-na-primere-rolevoy-igry> (дата обращения: 24.06.2025).

2. Как Тадамори узнал о заговоре и как он к этому отнесся? Какая мысль его особенно волновала? (Найдите ключевую фразу в тексте).

3. Какую "неслыханную дерзость" совершил вассал Иэсада с точки зрения придворных?

Самурайские ценности:

1. Какие два разных способа поведения демонстрирует Тадамори в этом эпизоде? Сначала он готовится к обороне весьма угрожающе (опишите, как именно). Позже он проявляет хитрость и сдержанность (что он делает с мечом перед уходом и что выясняется позже?). Как вы думаете, почему он не рассказал Иэсаде правду о насмешке?

2. Какие самурайские ценности (верность долгу, защита чести, готовность к бою, хитрость, сдержанность) проявляются в его поступках? Объясните.

3. Какие самурайские ценности в первую очередь демонстрирует Иэсада своим поведением и словами? Приведите цитату из его речи, которая это подтверждает.

Представьте себя на месте (ролевой момент):

Придворного: Почему вы были возмущены и испуганы?

Тадамори: Какими чувствами (гнев, обида, тревога, гордость, расчет?) вы руководствовались?

Иэсады: Что было главным для вас в этой ситуации?

Императора: Почему вы не осудили Тадамори? Что для вас ценно в поведении вассала?

Помимо дискуссии, возможны следующие формы работы:

1. **Таблица:** Создайте таблицу с колонками: "Персонаж", "Поступок", "Проявленная ценность самурая", "Реакция придворных", "Реакция Государя".

2. **Напишите короткий текст от лица:**

Придворного, обвиняющего Тадамори.

Тадамори, защищающего свои действия перед Государем (как он это и сделал).

Государя-инока, объясняющего свое решение не наказывать Тадамори.

3. **Комментированная иллюстрация:** Нарисуйте ключевой момент сцены (например, Тадамори с мечом у щеки или вручение деревянного меча дворецкому) и сделайте подписи-комментарии, объясняющие, что происходит и какие ценности/конфликты здесь видны.

Таким образом, предложенный нами вариант работы по теме «Особенности мировоззрения и поведения самураев средневековой Японии в «Повести о доме Тайра» позволяет комплексно проанализировать вассальные отношения между императором и его вассалами, а так же господином и его вассалом. При выполнении заданий учащиеся смогут освоить те предметные результаты, которые заложены в примерной рабочей программе по истории, а именно объяснять, каким было положение императора в Японии и чем отличаются самураи от европейских рыцарей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период Хэйан (794–1185 гг.) стал ключевым рубежом в истории Японии, когда под влиянием китайской культуры был заложен фундамент японского средневековья – его культурные, политические и социально-экономические контуры. Была сделана ставка на создание централизованного управления страной с опорой на столичную гражданскую знать, окружавшую сакральную фигуру императора, возводившего свою родословную к богам, и уравнительное распределение земли между крестьянами. Однако специфические особенности Японии показали невозможность функционирования данной модели. Уравнительное распределение земли сменилось разорением крестьян (и ростом внутренней напряжённости) и возникновением частного землевладения в виде провинциальных поместий (сёэнов). Необходимость концентрации военных сил на борьбе с айнами и потребность в охране имущества провинциальной знати стимулировали появление и рост значения профессиональных воинов – самураев – постепенно усиливавших свои позиции. Крупнейшие самурайские кланы Тайра и Минамото смогли потеснить гражданскую знать в её роли ведущей силы в управлении страной и занять ключевые позиции в государстве, что неизбежно должно было привести к столкновению между ними. Драматическим событиям финального этапа противостояния кланов посвящён самурайский эпос «Повесть о доме Тайра», ставший нашим основным источником.

«Повесть о доме Тайра» даёт интересный материал о социальных отношениях в самурайской среде. Изображается идеал вассальных отношений, как основа всего социального устройства эпохи. В сердцевине этого идеала лежит глубоко личная, часто наследственная верность: вассал клянется в беззаветной преданности и жертвенности господину, а господин берет на себя обязательство защищать его и отвечать за него перед императором. Эта связь, коренящаяся в чести, чувстве долга и личной

привязанности, возвышается над формальными законами и превосходит по силе даже семейные узы.

«Повесть о доме Тайра» раскрывает эволюцию отношений самураев с императором, центральное место в которой занимает кризис лояльности. Противостояние главы клана Тайра Киёмори и его преданного сына Сигэмори служит ключом к пониманию формирования и распада идеала служения. Даже сохраняя преклонение перед сакральной фигурой императора, военная элита (на примере Киёмори) игнорирует его политическую волю. Преданность Сигэмори императору лишь оттеняет всеобщий упадок долга подданного, обнажая трагический разрыв между сакральностью трона и его фактическим бессилием.

Анализ отражения религии и эстетики самураев в «Повести о доме Тайра» показал, что направление буддизма дзэн имело большое значение в жизни средневековой Японии. Религия вырабатывала спокойное отношение к судьбе, страданиям и смерти, а эстетическое отношение к действительности ориентировало на утончённое восприятие музыки и поэзии.

Мы также проанализировали нормативно-правовые документы в области образования, такие как ФГОС ООО и Примерная рабочая программа по истории на предмет обоснования в них изучения темы средневековой Японии в школьном курсе истории. Мы сформулировали собственный вариант задания по истории Средних веков с применением «Повести о доме Тайра» как источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Булаткин Ю. С. Урок: Государственность Китая и Японии. – URL: <https://academy-content.apkpro.ru/ru/lesson/30361673-62ff-479c-8946-3ac61d0cb910> (дата обращения 23.06.2025).
2. Мединский В. Р. История Средних веков. 6 класс : учебник / В. Р. Мединский, А. О. Чубарьян. – Москва : Просвещение, 2025. – 255 с.
3. Повесть о доме Тайра. — М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. — 688 с.
4. Примерная рабочая программа основного общего образования «История». – URL: <https://fgosreestr.ru/oor/primernaia-rabochaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-istoriia> (дата обращения: 23.06.2025).
5. Федеральная образовательная программа основного общего образования (Утверждена приказом Минпросвещения России от 18.05.2023 под № 370). – URL: <https://fgosreestr.ru/poop/federalnaia-obrazovatelnaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-utverzhdена-prikazom-minprosveshcheniia-rossii-ot-18-05-2023-pod-370> (дата обращения: 23.06.2025).
6. ФГОС Основное общее образование. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 N 1897 (ред. от 11.12.2020). — URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 23.06.2025).

Исследования

7. Андреева С.Г. Дзэн / С.Г. Андреева // Энциклопедия религий; под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян ; Ин-т философии РАН [и др.]. – Москва : Академический Проект : Гаудеамус, 2008. – С. 376–377.
8. Андросов В. П. «Лотосовая сутра» / В.П. Андросов // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/lotosovaia-sutra-ecd03d/?v=3810327> (дата обращения: 16.06.2025).

9. Арутюнов С.А. Старые и новые боги Японии / С.А. Арутюнов. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 269 с.
10. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Рут Бенедикт ; пер. с англ. Н. М. Селиверстова под ред. А. В. Говорунова. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – 357 с.
11. Гаджиева Е. А. Страна восходящего солнца : история и культура Японии [Электронный ресурс]. Ростов-на-Дону, 2006. – URL: https://historylib.org/historybooks/Ekaterina--Gadzhieva_Strana-Voskhodyashchego-Solntsa--Istoriya-i-kultura-YAponii/19 (дата обращения: 16.06.2025).
12. Главева Д. Г. Традиционная японская культура: специфика мировосприятия / Д. Г. Главева. – Москва: Вост. лит., 2003. – 262 с.
13. Глаголева К. С. Л. С. Выготский о роли игры в психическом развитии ребенка // Молодой ученый. – 2017. – С. 324–326.
14. Горегляд В.Н. Классическая культура Японии. Очерки духовной жизни / В. Н. Горегляд. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. – 351 с.
15. Горегляд В.Н. Японская литература VIII-XVI вв. Начало и развитие традиций. / В. Н. Горегляд. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2001. – 397 с.
16. Грачёв М. В. Нормы и ценности повседневной жизни японской знати эпохи Хэйан / М. В. Грачёв // Япония в эпоху Хэйан (794-1185): хрестоматия / Российский гос. гуманитарный ун-т ; сост., введ., пер. с древнеяпонского и коммент. М. В. Грачева. – Москва : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2009. – С. 7-31.
17. Данн Ч. Повседневная жизнь в старой Японии / Ч. Данн. – Москва: Наука, 1988. – 293 с.
18. Дил У. Япония. Средние века и начало Нового времени / Уильям Дил ; пер. с англ. Артюхова А. М. – Москва: Вече, 2010. – 463 с.

19. Дюмулен Г. История дзэн-буддизма / Генрих Деюмулен; пер. с англ. Ю.В. Бондарева. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 317 с.
20. Жуков А. Е. История Японии: Учеб. пособие / А. Е. Жуков; РАН. Ин-т востоковедения, Ассоц. японоведов. Яп. Фонд. – Москва: ИВ РАН, 1999. – 703 с.
21. Зиганьшин Р.М. Военный этикет самураев / Р. М. Зиганьшин // Историческая психология и социология истории. – 2010. – Т. 3. – № 2. – С. 125-151.
22. Игнатов А.В. Всеобщая история. История Средних веков. Методические рекомендации. 6 класс. / А. В. Игнатов. – Москва: Просвещение, 2023. – 136 с.
23. Иэнага Сабуро. История японской культуры : пер. с яп. / Сабуро Иэнага; предисл. В. А. Кривцова; коммент. П. Смирнова. – Москва: Прогресс, 1972. – 231 с.
24. Кабанова А. М. История дзэн в Китае и Японии / А. М. Кабанова // Годзан бунгаку. Поэзия дзэнских монастырей. – СПб.: Гиперион, 1999. – С. 8-33.
25. Канцеров Э. А., Насырова Л. Г. Игровая деятельность на уроках истории как средство повышения эффективности преподавания на примере ролевой игры // Форум молодых ученых. 2019. №6 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-deyatelnost-na-urokah-istorii-kak-sredstvo-povysheniya-effektivnosti-prepodavniya-na-primere-rolevoy-igry> (дата обращения: 24.06.2025).
26. Кинг Уинстон Л. Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая / Уинстон Л. Кинг; Пер. на рус. Котенко Р. В. – СПб. : Евразия, 1999. – 319 с.
27. Китагава Дж. М. Религия в истории Японии / Дж. М. Китагава; пер. с англ. Н. М. Селиверстова. — СПб.: Наука, 2005. — 588 с.
28. Кожевников В. В. Очерки истории Японии, XII-XVI вв. / В. В. Кожевников; М-во образования Рос. Федерации. Дальневост. гос. ун-т, Вост.

ин-т, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — 402 с.

29. Коляда М.С. Нравы японских воинов в «Собрании стародавних повестей» / М. С. Коляда // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2019. — № 3 (49). — С. 13-30.

30. Куприянов Б.В., Подобин А.Е. Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России. / Б.В. Куприянов, А.Е. Подобин; М-во образования Рос. Федерации, Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. — Кострома: КГУ, 2003. — 103 с.

31. Лепехова Е. С. Отображение и интерпретация буддийских концепций в ранней хэйанской литературе: На примере "Повести о Гэндзи" : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03. — Москва, 2005. — 140 с.

32. Маслов А. А. Дзэн самурая / А. А. Маслов. — Ростов на-Дону : Феникс, 2005. — 329 с.

33. Мещеряков А. Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм (проблема синкретизма) / А. Н. Мещеряков. — Москва: Наука, 1987. — 189 с.

34. Мещеряков А. Н. Древняя Япония: культура и текст / А. Н. Мещеряков. — Москва: Наука, 1991 — 222 с.

35. Нитобэ Инадзо. Бусидо : Душа Японии : Клас. эссе о самур. этикете / Инадзо Нитобэ; пер. с англ. К. Семенова. — Москва: София, 2004. — 207 с.

36. Нукария Кайтэн. Религия самураев: исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии / Кайтэн Нукария ; пер. с англ. О. Б. Макаровой ; под ред. [и с послесл.] С. В. Пахомова. — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — 244 с.

37. Онищенко В. Японские военные повести и их композиция: взгляд историка // Повесть о смуте годов Хэйдзи. — СПб., 2011. — С. 245-249.

38. Орлянская Т. Г. Истоки своеобразия японской культуры // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная

коммуникация. 2009. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-svoeobraziya-yaponskoj-kultury> (дата обращения: 23.06.2025).

39. Пасков С. С. Япония в раннее Средневековье. VII-XII века: исторические очерки / С. С. Пасков; отв. ред. Г. И. Подпалова. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. – 194 с.

40. Ричи Дональд. Трактат о японской эстетике [Электронный ресурс]. 2023. — URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/TPs_y_xjeEN8MoqRtXyNxcu_p2JC9_9vNhJW071qL8mX9WLWOsF2k45ggDuJOy7Xr_c0F1gPd5ro-noX1AyxJYUs-BicUH9ixV5bocHAADirIQ4SvZIVeg/D_Richi_Traktat_ob_estetike.pdf (дата обращения: 23.06.2025).

41. Сенсом Дж.Б. Япония: краткая история культуры / Дж. Б Сенсом. – СПб.: Евразия, 1999. – 576 с.

42. Смирнов В.В. Образ идеального самурая в литературе самурайского круга XIII-XVI веков / В.В. Смирнов // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 1. С. 77-82.

43. Стрелова О. Ю. История. Всеобщая история. История Средних веков : 6-й класс : методическое пособие к учебнику под общ. ред. В. Р. Мединского. — М.:, 2023.

44. Судзуки Д. Т. Дзэн-буддизм в японской культуре. Репродукции картин Т. Сэсю, К. Хокуся, С. Уэмура, А. Акидзуки, Р. Кавабата. Каллиграфия С. Иккю / Д. Т. Судзуки. – СПб.: Издательство «ТРИАВА», 2004. — 272 с.

45. Тернбулл С. Самураи. Военная история / Стивен Тенбулл. – СПб.: Эксмо, 1999. – 693 с.

46. Тернбулл С. Путь самурая: война и религия / Стивен Тернбулл; пер. О. Серебровской. – М.: Эксмо, 2010. – 216 с.

47. Хироси Н. История философской мысли Японии. / Н. Хироси. – М.: Прогресс, 1991. – 412 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. Тайные козни (Эпизод из «Повести о доме Тайра»)

Однажды правитель земли Бидзэн, Тадамори воздвиг храм, за это император Японии пожаловал Тадамори землю в управление и дал право появляться при дворе императора. Так он удостоился этого почетного права. И все же придворные завидовали Тадамори и сговорились напасть на него во время праздника Изобилия, который отмечался во дворце в день Дракона.

Тадамори узнал об этом замысле. Тадамори был из рода храбрых воинов и чтобы не покрыть себя и свой род позором, он все же решил посетить дворец, где происходил праздник, приняв меры предосторожности, спрятав короткий меч под парадной одеждой. Когда все приглашенные собрались, он достал меч, так, чтобы все его видели, невольно вздрогнув от страха.

Вдобавок его подданный самурай Иэсада в простом охотничьем платье находился возле покоев, где справляли праздник, тоже держал меч наготове. Главный дворецкий, да и все другие придворные сочли неслыханным нарушением приличия и стали гнать Иэсаду. Иэсада не двинулся и с места. Он рассказал им о слухе, что этим вечером хотят напасть на его господина, которому еще его предки служили верой и правдой. Поэтому он пришел проследить, чтобы с его господином ничего не случилось, посему удалиться ему никак невозможно.

Вскоре по желанию императора Тадамори исполнил танец, приглашенные гости подпевали и били в ладоши, как вдруг, изменили слова припева на насмешливые над Тадамори и его родом. Оскорбленный Тадамори решил покинуть дворец, даже не попрощавшись, отдав у всех на виду свой меч дворецкому.

Когда Иэсада спросил, как все прошло на празднике, Тадамори хотел рассказать ему всю правду, но знал, что Иэсада, узнав правду, тут же вломится в зал с обнаженным мечом, и поэтому Тадамори ограничился словами: «Все хорошо».

Когда празднество закончилось, все придворные и чиновники в один голос доложили императору, что приходить во дворец с оружием и приводить самураев противно правилам и за это он подлежит наказанию. Весьма озадаченный император призвал к себе Тадамори, чтобы он объяснился.

Тадамори сказал: Что до моего подданного, который находился во дворе Запретных покоев, то я тут не причем. Но если мой подданный, узнав, что против меня умышляют недоброе, сам пришел, чтобы уберечь от позора своего господина, не сказав мне об этом ни слова, — я бессилён помешать ему. Если этим он совершил преступление, я отдам его на ваш суд. Что касается моего меча, то я отдал его на сохранение дворецкому. Прикажите принести его и осмотрите; тогда решите, виновен я или нет! Император приказал принести меч, и все увидели, что это был деревянный меч, оклеенный серебряной фольгой. — Чтобы избежать позора, Тадамори притворился, будто он вооружен, но осознавая, что это вызовет неодобрение, заранее изготовил меч из дерева — вот дальновидность и хитроумие настоящего самурая! А что до самурая, ожидавшего господина во дворе, так это целиком в обычае военных семейств! — сказал император. Так Тадамори не только не понес наказания, но и удостоился похвалы государя.